

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ЛИНГВИСТОВ № 21-10/17

г.Москва

«16» октября 2017 г.

Время производства исследования:

Исследование начато: «05» октября 2017 г. в 11 часов 30 минут.

Исследование окончено: «16» октября 2017 г. в 17 часов 15 минут.

Место составления лингвистического заключения: помещение Регионального общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)»: Москва, Зубовский бульвар, д.4, оф.438; часть исследований проведена по адресу постоянного проживания специалиста И. В. Жаркова: Санкт-Петербург, XXXXXXXXXX xxxx xxx xxx. Совещания специалистов производились с использованием электронных средств коммуникации, включая средства аудио- и видеоконференцсвязи, обмен сообщениями мессенджеров и электронной почты.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г.,

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основание производства лингвистического исследования: договор о проведении экспертно-лингвистического исследования словосочетания «системно-векторная психология», заключенный 22 сентября 2017 г. между Колосовым Вадимом Анатольевичем, представляющим интересы ООО «Системно-векторная психология» по доверенности, и РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (ГЛЭДИС).

Комиссия специалистов-лингвистов Гильдии по документационным и информационным спорам в составе:

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, начальника научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС Жаркова Игоря Вениаминовича — кандидата филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 048-01/17-сэ от 30.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол № 55);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Ученого секретаря ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академика РАЕН Мамонтова Александра Степановича (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 41 год, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-01/17-сэ от 31.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 31 января 2017г., протокол № 56);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы

народов Трофимовой Галины Николаевны (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж работы по специальности – 27 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 046-01/17-сэ от 28.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2017 г., протокол №53) —

произвела комиссионное лингвистическое исследование представленных материалов.

Материалы, представленные для производства комиссионного лингвистического исследования:

1. копия **свидетельства № 612947** на товарный знак (знак обслуживания) «Системно-векторная психология» с приоритетом 10.08.2015, на 1 л., с приложением соответствующей **выписки из Реестра** товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации, на 2 л.;

2. копия **заявки № 2015725776** на регистрацию словесного обозначения «Системно-векторная психология» в качестве товарного знака (знака обслуживания) в Российской Федерации, на 2 л.;

3. копия **решения** Роспатента от 24.08.2015 **о принятии** к рассмотрению указанной **заявки № 2015725776**, с приложением заключения по результатам формальной экспертизы, всего на 3 л.;

4. копия **уведомления** ФИПС от **10.02.2016 о соответствии** приведенного в заявке **перечня** товаров и (или) услуг требованиям п. 3 ст. 1492 части IV ГК РФ за подписью ведущего государственного эксперта по интеллектуальной собственности Е. В. Мачулиной, на 2 л.

5. копия **уведомления** ФИПС от **22.07.2016 о результатах проверки** заявленного **обозначения** требованиям законодательства, на 2 л.;

6. копия **ответа** ООО «Системно-векторная психология» от **16.01.2017** на указанное уведомление о результатах проверки заявленного обозначения требованиям законодательства, на 6 л.;

7. копия **решения** Роспатента от **14.03.2017 о государственной регистрации** товарного знака (знака обслуживания по заявке № 2015725776, на 1 л., с приложением **заключения по результатам экспертизы**, на 3 л.;

8. копия **возражения** от 11.08.2017 **ООО «Лаборатория 8»** против предоставления правовой охраны товарному знаку № 612947 Системно-векторная психология в отношении всех товаров и услуг, указанных в регистрации, на 4 л.;

9. копия **заключения специалистов** ООО «Проектно-экспертное бюро «Аргумент» **Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой № 51/26** (окончено 20.07.2017) с приложением документов, всего на 74 л.;

10. распечатки отдельных **сообщений**, размещенных в период с 2007 г. различными пользователями **в разделе «Системно-векторная психология» на форуме интернет-сайта Ю. Бурлана**, находящемся по адресу <https://www.yurlan.ru/forum>, на 25 л.;

11. копии **публикаций о системно-векторной психологии**, вышедших в свет в **различных научных изданиях**, в виде электронных документов (в формате PDF), всего 38 документов;

12. **видеофонограммы**, содержащие записи **фрагментов сеансов тренинга**, проведенного Ю. Бурланом в **2005 г.**, в электронном виде (в формате mp4), всего 4 файла продолжительностью от 20 минут 39 секунд до 24 минут 50 секунд.

На разрешение комиссии специалистов поставлены следующие вопросы:

1. Если обозначение "Системно-векторная психология" рассматривается как термин, то какое определение (понятие) присуще такому термину и является ли оно общепринятым термином?

2. Характеризует ли обозначение "Системно-векторная психология" товары или услуги, есть ли прямая связь между семантикой обозначения и видом, качеством, количеством, свойством, назначением, ценностью, а также временем, местом или способом производства или сбыта товаров и услуг? Способно ли данное обозначение напрямую своим определением (понятием) вызывать единое и однозначное представление о какой-либо из указанных характеристик?

3. Выполняет ли обозначение "Системно-векторная психология" индивидуализирующую функцию (соответствует ли требованиям, предъявляемым к обозначению, регистрируемому в качестве товарного знака)?

4. Соответствует ли заключение специалистов экспертно-проектного бюро «Аргумент» №51/26 от 20.07.2017 г. требованиям, предъявляемым к документам подобного рода?

Обстоятельства дела известны комиссии специалистов из представленных материалов в объеме представленного.

С учетом существа поставленных и исходя из известных комиссии специалистов обстоятельств дела, **объектами исследования** являются:

- словесное обозначение «Системно-векторная психология», имеющее регистрацию в качестве товарного знака за № 612947, при его использовании для обозначения товаров и услуг классов 09, 38, 41, 42, 44 МКТУ, перечисленных в перечне, содержащемся в представленной выписке из Реестра товарных знаков и знаков обслуживания РФ (в дальнейшем также *исследуемое обозначение, спорное обозначение*);
- текст заключения специалистов экспертно-проектного бюро «Аргумент» №51/26 от 20.07.2017 г. (в дальнейшем также *спорное заключение, рецензируемое заключение*).

ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Методические основы исследования

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания словосочетаний, высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике, лингвостилистике, лингвистике текста, терминоведении. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС).

Исследование проводилось с учетом известных официальных рекомендаций Роспатента, содержащихся в документах по вопросам экспертизы заявленных обозначений.

Каждый из специалистов-лингвистов произвел исследование представленных материалов в полном объеме.

Критерии оценки представленного на исследование заключения специалистов ООО «Экспертно-проектное бюро «Аргумент» полностью раскрыты и подробно описаны в подразделе 1.4 исследовательской части настоящего заключения.

Поставленные перед комиссией специалистов-лингвистов вопросы частично взаимосвязаны, разрешались совместно.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования, определяемой исходя из содержания поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов и с учетом известных специалистам обстоятельств дела, относящихся к природе конфликтной ситуации (имеется спор относительно охраноспособности словесного обозначения как средства индивидуализации товаров и услуг; спорной является также допустимость, относимость и достоверность представленного на исследование заключения специалистов как доказательства), которая является источником настоящего экспертного исследования, рассматриваемого комиссией специалистов-лингвистов с точки зрения общей теории судебно-экспертной деятельности, послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
5. Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утверждены приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32).
6. Правила подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам (утверждены приказом Роспатента от 22.04.2003 № 56).
7. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (утверждены приказом Минэкономразвития РФ № 482 от 20 июля 2015 г.).
8. Международная классификация товаров и услуг (10 редакция).
9. ГОСТ 7.79:2000 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Правила транслитерации кирилловского письма латинским алфавитом».

1.2. Литература

При проведении исследования **спорного словесного обозначения** использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей русского языка, электронные источники данных. В том числе:

1. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник

- материалов. М.: ИПК «Информкнига», 2010. (*Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора.*)
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
 3. Рекомендации по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений (Приказ Российского агентства по патентам и товарным знакам от 23 марта 2001 г., № 39).
 4. Информационное письмо Роспатента от 19 февраля 2010 г. № 1 «О некоторых вопросах экспертизы товарных знаков, применяемых в технических регламентах и национальных (государственных) стандартах».
 5. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. — М.: Стэнси, 2003.
 6. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
 7. Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М., 2010.
 8. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. — СПб.: ПИТЕР, 2004.
 9. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». — М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
 10. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. — М.: Норма, 2005.
 11. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
 12. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
 13. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
 14. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
 15. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. — Москва, 2006.
 16. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. — М.: Амалфея, 2003.
 17. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
 18. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
 19. И. В. Жарков. Сходство товарных знаков: есть вопросы/ «Патентный поверенный», № 1, 2009, с. 33–35.
 20. И. В. Жарков. Сходство до степени смешения: взгляд эксперта-лингвиста/ «Патентный поверенный», № 4, 2009, с. 22–24.
 21. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.

22. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. — М.: Эксмо, 2006.
23. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
24. С. А. Кузнецов. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
25. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
26. Т. Ф. Ефремова. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.
27. Большой толковый словарь русского языка. — СПб.: НОРИНТ, 2004.
28. А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
29. Т. Ф. Ефремова. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
30. Современный словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
31. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1989.
32. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
33. Большой энциклопедический словарь. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Большая Российская энциклопедия»; СПб.: «Норинт», 1997.
34. Первый толковый большой энциклопедический словарь. — СПб., М., РИПОЛ-НОРИНТ, 2006.
35. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. — СПб.: Прайм Еврознак, 2006.
36. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. — М., «Русский язык», 1977.
37. А. Н. Тихонов. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. — 2-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1990.
38. Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.
39. Лебедев М. В., Черняк А. З. Онтологические проблемы референции. — М.: Практикс, 2001.
40. Н. Д. Голев. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии : Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
41. К. И. Бринев. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
42. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
43. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
44. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
45. АBBYY Lingvo 11. Шесть языков. Электронный словарь © 2005 АBBYY Software.
46. Правила русской орфографии и пунктуации. — М.: Учпедгиз, 1956.

1.3. Понятийный аппарат лингвистического исследования

В основу методики исследования спорного словесного обозначения положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по **теории и практике судебной экспертизы** [7, 8, 10, 11, 14, 15, 41, 43] и в работах по **лингвистической экспертизе**, в том числе **экспертизе наименований** (вид лингвистической экспертизы в рамках экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей, отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.) [1, 2, 5, 6, 19, 20, 40, 41, 42].

Понятие **товарного знака** является в общем случае сложным, многоаспектным. Товарный знак представляет собой единый объект, который может быть создан совокупностью языковых, семиотических, графических, культурологических и иных средств и методов. Пункт 1 ст. 1482 ГК РФ устанавливает:

В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации.

Восприятие товарного знака потребителем также носит комплексный характер, так как знак воспринимается в совокупности всех его свойств, созданных разнородными средствами. Исследование товарного знака предполагает рассмотрение всех аспектов, присущих этому знаку.

Основной отличительной чертой товарных знаков от знаков других категорий с семиотической точки зрения является выполняемая товарными знаками функция **индивидуализации** товара. Способность знака индивидуализировать обозначаемый им товар, то есть различительная способность, является необходимым условием для его признания товарным знаком.

Словесные товарные знаки являются особым видом товарных знаков. Полное исследование словесных товарных знаков возможно в рамках изучения их различительной способности и лингвистических свойств (если для какого-то знака это не так, он должен рассматриваться не как словесный, но как комбинированный или изобразительный).

Словесные товарные знаки функционируют в русском тексте, включая случаи изолированного употребления в русской языковой среде (например, на вывесках, на этикетках, на ярлыках), в качестве имен собственных, обозначающих товары, работы и услуги. Категориальная семантика товарных знаков как имен собственных, безусловно, свидетельствует о том, что они являются именами существительными либо словосочетаниями с существительным — главным словом.

При использовании в качестве товарных знаков слов другой части речи и словосочетаний другой категориальной принадлежности происходит их синтаксическая субстантивация. В результате такие товарные знаки функционируют в тексте как существительные.

Различительная способность словесного товарного знака обеспечивается его однозначным восприятием в качестве обозначения конкретного товара носителями языка. Поэтому словесный компонент товарного знака не может быть схожим до степени смешения с учетом возможных контекстов употребления с **общеупотребительными**

словами и выражениями. Гражданский кодекс РФ устанавливает, в частности (ч. 1 ст. 1483):

Не допускается регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов:

- 1) вошедших во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида;
- 2) являющихся общепринятыми символами и терминами;
- 3) характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта;

...

Указанные элементы могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующего положения.

Смешение с общеупотребительным словом может возникать лишь в том случае, если это общеупотребительное слово может встречаться в тех же контекстах, что и товарный знак, с учетом классов МКТУ, для которых этот знак регистрируется. Так, общеупотребительное слово *лазурь* может обозначать краску (например, *берлинская лазурь*). Введение товарного знака «ЛАЗУРЬ» для обозначения товаров класса 2 МКТУ, в который входят краски и красящие вещества, недопустимо, так как приводит к ограничениям в нормальном функционировании русского языка. Высказывание «Дайте, пожалуйста, лазурь» становится неоднозначным. Непонятно, что именно имеется в виду, — цвет или торговая марка. В то же время товарный знак «ЛАЗУРЬ» вполне может быть зарегистрирован для обозначения товаров класса 15 МКТУ (музыкальных инструментов).

В патентном праве и в рекламном деле принято делить словесные обозначения на фантазийные и описательные. Если семантика словесного обозначения (его смысловые характеристики с точки зрения системы языка) предсказывает обозначаемый объект, такое обозначение называют *описательным*. Напротив, если обозначаемый объект не может быть предсказан на основе семантики словесного обозначения, такое обозначение называют *фантазийным*. Например, согласно разъяснениям Российского агентства по патентам и товарным знакам, словесное обозначение «ОПЕРЕТТА» является описательным в отношении услуг театра оперетты и фантазийным в отношении товара «духи».

Использование словесного обозначения «ОПЕРЕТТА» для индивидуализации услуг конкретного театра оперетты невозможно, так как оно препятствовало бы нормальному функционированию русского языка. Во многих контекстах употребления слова «оперетта» нельзя было бы определить, что именно имеет в виду говорящий в каждом конкретном случае — имя нарицательное «оперетта» или внешне совпадающее с ним имя собственное — товарный знак «ОПЕРЕТТА».

Фантазийными являются также словесные обозначения, отсутствующие в системе русского языка, в том числе изобретенные слова, неологизмы (слова, образованные по правилам русского языка, но отсутствующие в его словаре), слова, являющиеся результатом транслитерации иностранных слов (не всегда).

Следует различать ситуации использования в качестве товарного знака слов и выражений, присутствующих в лексике языка, и обозначений, отсутствующих в лексической системе. Восприятие потребителем наименования товара, состоящего из известных слов, связанных с определенным смыслом в системе языка, принципиально отличается от восприятия им же слов неизвестных, специально изобретенных или заимствованных для введения товара или услуги в хозяйственный оборот.

Регистрация товарного знака, представляющего собой неологизм, не препятствует нормальному функционированию языка, даже если этот неологизм образован на базе описательных элементов. Использование описательных элементов в составе неологизма никоим образом не отменяет фантазийность последнего. Скажем, обозначение «НАРЕЗОН» вполне может использоваться в качестве товарного знака для хлебобулочных изделий, хотя и построено на базе слова *нарезной*, являющегося общеупотребительным и описательным в отношении товаров соответствующего класса. Употребление слова *нарезон* не будет приводить к какому-либо смешению, будет восприниматься как однозначное указание на товар конкретной марки.

Заявляемые на регистрацию обозначения могут включать в себя *описательные элементы* или состоять из них. Описательные элементы — это обозначения, используемые для указания вида товара, описания характеристик товара и сведений об изготовителе.

К описательным элементам относятся словесные элементы, указывающие на вид, качество, количество, свойства, назначение, ценность товаров, а также на место и время их производства или сбыта. К таким элементам, в частности, могут быть отнесены:

- простые наименования товаров;
- обозначения категории качества товаров;
- указания свойств товаров (в том числе носящие оценочный характер);
- указания материала или состава сырья;
- указания веса, объема, цены товаров, даты их производства;
- данные по истории создания производства;
- видовые наименования предприятий;
- адреса изготовителей товаров и посреднических фирм;
- обозначения, состоящие частично или полностью из географических названий, которые могут быть восприняты как указания на место нахождения изготовителя товара;
- общепринятые наименования, представляющие собой, как правило, простые указания товаров, заявляемые для обозначения этих товаров;
- общепринятые сокращенные наименования организаций, предприятий, отраслей и их аббревиатуры.

Заявленным обозначениям, состоящим только из описательных элементов либо включающим в себя доминирующие описательные элементы, не предоставляется правовая охрана, а производителям — исключительное право на их использование, т.к. у любого лица может возникнуть необходимость использовать в хозяйственном обороте обозначения, которые описывают товар. Такие обозначения называются описательными.

Следует, однако, различать обозначения описательные и обозначения, вызывающие в сознании потребителя представление о производимых товарах через ассоциации. Последним, согласно позиции, выраженной Роспатентом в Рекомендациях по отдельным

вопросам экспертизы заявленных обозначений, может быть предоставлена правовая охрана. [3, п. 2.2].

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчастеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемы будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (`прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать`) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных` истребили, ликвидировали` – Воины уничтожили город` ликвидировали, разрушили, сожгли`.*

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую

связь слова используются в переносных значениях, отсутствующих у этих слов в системе языка. Подобная ситуация недопустима в специальных текстах, в том числе в текстах юридических. Точное смысловое содержание метафоры, за исключением метафор, вошедших во всеобщее употребление и подлежащих на этом основании фиксации толковыми словарями общеупотребительной лексики, в значительной степени стертых и утративших значительную долю присущей метафоре экспрессии, в общем случае носит субъективный характер. Употребление языковых знаков в специальных, в том числе в официально-деловых, в научных и т. п., текстах (например, в тексте закона, договора, технической документации, научной публикации) в значениях, отличных от общепринятых и не фиксируемых известными источниками лингвистических данных (включая источники терминоведческие, такие как специальные отраслевые терминологические словари, например, словари юридической, медицинской, технической и т. п. терминологии), с неизбежностью привело бы к субъективному пониманию, невозможности единого буквального толкования содержания текста, например, законодательных норм или положений договора, сформулированных с использованием подобных слов и выражений.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или **конситуацией** (известными эксперту обстоятельствами дела).

При исследовании языковых значений и употребления единиц языка в речи его носителей могут быть использованы специализированные источники лингвистических данных, в частности, национальные корпуса. **Национальный корпус** того или иного языка представляет данный язык на определенном этапе его существования и во всем многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п. Национальный корпус русского языка, разрабатываемый при участии Института русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ РАН), Института языкознания РАН (ИЯз РАН), ВИНТИ РАН и ряда других ведущих научных учреждений, функционирует в глобальной информационно-телекоммуникационной сети общего пользования Интернет (<http://ruscorpora.ru/>) с 2003 г. и по состоянию на октябрь 2017 г. включает разнообразные русские тексты, общий объем которых составляет свыше 600 миллионов словоупотреблений. Национальный корпус русского языка, как и национальные корпуса других языков, имеет две важные особенности. Во-первых, он **представителен** и **сбалансирован**, т. е. содержит все типы письменных и устных текстов, представленных в данном языке (художественные разных жанров, публицистические, учебные, научные, деловые, разговорные, диалектные и т. п.), и все эти тексты входят в корпус пропорционально их доле в языке соответствующего периода. Во-вторых, корпус содержит особую дополнительную информацию о свойствах входящих в него текстов (так называемую **разметку**, или аннотацию). В Национальном корпусе русского языка в настоящее время широко используются три типа разметки: метатекстовая (она

характеризует текст в целом, с точки зрения его автора, жанровых и других особенностей), морфологическая, акцентная и семантическая (данные типы разметки характеризуют не целый текст, но отдельные слова).

От значения следует отличать **понятие** — явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в иной системе связей: значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике. Языковые значения слов и иных номинативных единиц отражаются в толковых словарях, понятия — в словарях энциклопедических. В современной лексикографии в качестве значения принято рассматривать минимальный набор сем, который позволяет отличить данное значение от любого другого, существующего в языке. Избыточные с этой точки зрения семы в толкование слов, как правило, не включаются. В то же время они являются неотъемлемой частью соответствующего понятия. Например, в «Современном толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова зафиксировано следующее значение существительного *рыцарь*: «в Западной Европе в средние века: феодал, принадлежавший к военно-землевладельческому сословию и находящийся в вассальной зависимости от своего сюзерена». А в «Большом энциклопедическом словаре» соответствующее понятие описывается следующим образом: «в Западной и Центральной Европе в средние века феодал, тяжеловооруженный конный воин. Для рыцаря считались обязательными моральные нормы: смелость, верность долгу, благородство по отношению к женщине». Нетрудно видеть, что энциклопедическое описание понятия отражает то же явление реальной действительности более подробно, с привлечением дополнительных признаков (сем), которые являются избыточными и не фиксируются в толковом словаре.

В так называемых специальных текстах, относящихся к подъязыкам юриспруденции, лингвистики, техники, медицины и т. п., встречаются **термины** — слова и обороты, которые использованы в специальных значениях, отличных от общеупотребительных. Смысловое содержание термина, употребляемого в специальном тексте, не сводится лишь к значению, существующему в системе языка и являющемуся общим (с некоторыми оговорками) для всех его носителей. Термин в специальном тексте всегда связан с понятием, существующим в соответствующей области знаний.

Специфический характер того или иного подъязыка в отдельных случаях может проявляться также в грамматических свойствах и иных особенностях текста, однако наиболее ярко выраженной спецификой обладает именно лексика.

Определение некоторых других терминов приводится в иных разделах исследовательской части заключения.

1.4. Критерии оценки экспертных заключений

Исходя из формы и содержания представленного на исследование документа — заключения специалистов экспертно-проектного бюро «Аргумент» №51/26 от 20.07.2017 г., он представляет собой комиссионное заключение специалистов, составленное двумя специалистами-лингвистами по результатам исследования, проведенного, вероятно (в тексте заключения точное основание проведения исследования не указано), на основании запроса одной из сторон в споре, находящемся на рассмотрении Палаты по патентным спорам, или представителя такой стороны, тем самым отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным

законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

Документы подобного жанра подлежат классификации как экспертные заключения.

Жанр экспертных заключений представляет контаминированный тип речи, находясь на стыке научного и официально-делового стилей современного русского языка. Заключение эксперта императивно регламентируется требованиями (наряду с нормами процессуального законодательства) закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», оказывающими влияние на форму и содержание заключения.

Поскольку, исходя из содержания представленных документов, основанием для производства исследований, по результатам которых было составлено, не являлось постановление или определение уполномоченного лица или органа о назначении судебной экспертизы (следовательно, лица, составившие рецензируемое заключение, не были предупреждены об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения), процессуальный статус рецензируемых заключений может быть определен как заключение специалиста, что полностью соответствует его заголовку.

Так же, как и заключение эксперта, заключение специалиста отражает результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентируемому процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности. Заключение специалиста содержательно относится к тому же жанру, что и заключение эксперта, и совпадает с ним по большинству параметров, рассматривается в теории судебной экспертизы как часть судебно-экспертной деятельности. Глубокий анализ системных свойств так называемой внесудебной, или досудебной экспертизы как части судебно-экспертной деятельности можно найти в монографии д. ю. н. С. А. Смирновой, в настоящее время — руководителя Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции РФ, «Судебная экспертиза на рубеже XXI века» [8]. Как показано в этой работе, внесудебная экспертиза органично включена в деятельность судебно-экспертных учреждений, а также в правоохранительную деятельность государства. Заключения специалистов составляют значительную долю в общем объеме продукции экспертного учреждения и имеют ту же цель, что и государственная судебно-экспертная деятельность, — установление доказательственных фактов с помощью специальных знаний. При последующем возбуждении судебных производств проведенные экспертные исследования на практике не отвергаются правоохранительными органами и судами, а признаются источниками судебных доказательств. Внесудебные экспертизы, выполняющиеся в экспертных учреждениях, как правило, проводятся и оформляются по правилам, установленным для государственной судебно-экспертной деятельности, в русле принципов и традиций этой деятельности, при этом в качестве основы проведения таких экспертиз принимаются методики судебно-экспертного исследования.

Нельзя недооценивать место и роль внесудебных экспертиз в общей структуре судебно-экспертной деятельности и рассматривать их как некую постороннюю деятельность. Следует заметить также, что как в гражданском, так и в уголовном процессе предусмотрен особый статус специалиста — лица, которое обладает специальными познаниями и применяет их в практике судопроизводства, в том числе в форме внесудебных экспертных исследований.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально-полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общеправовые) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящие от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип **независимости** эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);
- принцип **наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**. «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип **объективности** исследования. «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип **проверяемости выводов** эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования. «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип **полноты** экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип **всесторонности** исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта),

свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;

- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта — относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы,

по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел имеют свои особенности.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** рецензируемого заключения является его соответствие описанным выше требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям, отражающим результаты судебно-экспертной деятельности.

2. Предварительное исследование

Комиссией специалистов-лингвистов произведены осмотр и предварительное исследование представленных материалов, в ходе которых установлены следующие обстоятельства.

При назначении судебной экспертизы, а равно при инициировании экспертизы внесудебной лицо, назначающее экспертизу или в иной форме инициирующее судебно-экспертную деятельность, сообщает эксперту или специалисту **сведения об установленных по делу обстоятельствах**, которые могут иметь значение для ответа на поставленные перед ним вопросы. При производстве судебно-экспертного исследования эксперты и специалисты учитывают эти обстоятельства, опираются на них в своих умозаключениях как на заведомо истинные.

Поэтому в целях обеспечения требования объективности (проверяемости результатов, их воспроизводимости) судебно-экспертного исследования, установленного, в частности, ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в экспертных заключениях всегда отражаются те сведения об обстоятельствах дела, которые были сообщены эксперту или специалисту при назначении экспертизы.

В рецензируемом заключении такие сведения, равно как ссылки на них, **отсутствуют**. Таким образом, в рецензируемом заключении отсутствует часть исходных данных, которые находились в распоряжении специалистов ООО «Проектно-экспертное бюро «Аргумент» Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой при производстве ими исследований, результаты которых отражены в рецензируемом заключении.

Данное обстоятельство ставит под **сомнение объективность** представленного документа как заключения, отражающего результаты судебно-экспертной деятельности, поскольку объективность исследования является одним из общих принципов научного познания и ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением, а неполнота исходных данных в общем случае препятствует такому воспроизведению.

В формально-структурном отношении рецензируемое заключение состоит из:

- вводной части, содержащей лишь сведения о специалистах, список поставленных перед ними вопросов, список литературы и сведения об использованных специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой электронных источниках речевых данных;
- исследовательской части, разбитой на нумерованные разделы в соответствии с поставленными перед специалистами вопросами, в которой собственно нумерованные разделы предваряются разделом без номера, описывающим общее понятие термина;

- выводов по поставленным вопросам;
- приложений.

Поскольку оценка рецензируемого заключения предполагает, с учетом изложенного в разделе 1.4 настоящего заключения, максимально полное воспроизведение предпринятых специалистами исследований с целью проверки соблюдения принципов объективности и проверяемости их результатов, представляется необходимым обратить внимание на следующие обстоятельства.

Из содержания рецензируемого заключения вытекает, что специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева в ходе исследования осуществляли изучение узуса — сложившейся практики употребления в современном русском языке ряда слов и словосочетаний, в частности, *системно-векторный психоанализ*, *системно-векторная психология*, *системно-векторный*, *системно векторный* и т. п. Исходя из содержания рецензируемого заключения, поиск вхождений искомым лексем и словосочетаний осуществлялся ими как в известных традиционных лексикографических источниках (толковых, энциклопедических, терминологических печатных словарях), так и в указанных во вводной части электронных источниках речевых данных. Комиссия специалистов ГЛЭДИС считает необходимым заметить, что базы данных и поисковая система «Интегрум», на которые ссылаются составители рецензируемого заключения, являются коммерческим продуктом, доступом к которому специалисты ГЛЭДИС не располагают. В связи с изложенным необходимо сделать следующую оговорку: в дальнейшем комиссия специалистов-лингвистов ГЛЭДИС исходит из предположения, что содержащиеся в рецензируемом заключении сведения о происхождении цитируемых в рецензируемом заключении текстовых фрагментов, почерпнутых Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой из баз данных «Интегрум», являются достоверными, а цитирование подобных фрагментов в тексте рецензируемого заключения является дословным.

Аналогично обстоят дела с электронной базой данных словарного отдела ИЛИ РАН — еще одним источником, на который имеется ссылка во вводной части рецензируемого заключения, однако (см. ниже) собственно данные из этой базы в рецензируемом заключении никак не представлены.

В качестве достоверных комиссия специалистов ГЛЭДИС рассматривает также сведения о выходных данных (включая датировку) представленных для производства настоящего исследования в электронном виде публикаций о системно-векторной психологии, вышедших в свет в различных научных изданиях, а также сообщений, размещенных в период с 2007 г. различными пользователями в разделе «Системно-векторная психология» на форуме интернет-сайта Ю. Бурлана, находящемся по адресу <https://www.yburlan.ru/forum>, и видеофонограмм сеансов тренинга, содержащиеся в указанных материалах.

Примечателен тот факт, что в исследовательской части рецензируемого заключения **действительно** отражены результаты обращений специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой:

- к базам данных «Интегрум»;
- к «электронному онлайн-корпусу «Google books».

Однако явных следов обращения к иным электронным источникам, указываемым Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой во вводной части, а именно:

- к Национальному корпусу русского языка;

- к электронной базе данных словарного отдела ИЛИ РАН — в тексте рецензируемого заключения не наблюдается.

Изложенное, вероятно, имеет тривиальное объяснение. Комиссия специалистов ГЛЭДИС выполнила обращение к Национальному корпусу русского языка с запросом вхождений в русские тексты спорного обозначения *системно-векторная психология*. Результат обработки запроса по состоянию на 6 октября 2017 г. выглядел следующим образом: «По этому запросу ничего не найдено».

Полное отсутствие вхождений в наиболее полный и тщательно обработанный сбалансированный корпус русских текстов спорного словосочетания с очевидностью свидетельствует в пользу предположения о том, что словосочетание *системно-векторная психология*, будучи рассмотренным как термин, не может трактоваться как термин общепринятый или общеупотребительный. Как усматривается из содержания представленных документов, это обстоятельство может иметь существенное значение для разрешения спора, послужившего в случае с рецензируемым заключением источником судебно-экспертной деятельности, в пользу ООО «Системно-векторная психология». В то же время все без исключения выводы специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой, напротив, свидетельствуют об установлении ими обстоятельств, которые также могут иметь существенное значение для разрешения указанного спора, но в пользу противоположной стороны.

Изложенное позволяет констатировать, что отсутствие в исследовательской части рецензируемого заключения сведений о применении Национального корпуса русского языка, на который Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева ссылаются во вводной части заключения как на один из используемых ими источников данных, свидетельствует о **нарушении** при производстве исследования, по результатам которого составлено рецензируемое заключение, **принципа всесторонности** судебно-экспертной деятельности (СЭД).

Существенным также представляется то, что поставленные перед специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой вопросы с очевидностью тесно связаны между собой. В подобных случаях в практике СЭД эксперты или специалисты не проводят исследований отдельно по поставленным вопросам, формулируя ответы на них на этапе синтеза результатов единого проведенного ими исследования. Однако в рецензируемом заключении исследование по каждому из вопросов оформлено отдельным разделом, фактически описывается как проведенное независимо от исследований по другим вопросам. Такой подход создает возможность манипулирования специалистами для заказчика экспертного исследования посредством программирования его хода и результатов посредством содержащихся в вопросах формулировок.

Особенно ярко описанное явление проявляется в случае рецензируемого заключения в разделах 7–9.

Исходя из известных комиссии специалистов ГЛЭДИС обстоятельств дела, релевантными для разрешения поставленных перед ней вопросов № 1–3 являются факты речевой деятельности носителей современного русского языка, относящиеся к периоду до даты приоритета товарного знака «Системно-векторная психология», зарегистрированного по свидетельству № 612947 (до 10.08.2015).

Соответственно, в качестве источника таких речевых фактов могут рассматриваться следующие представленные для производства настоящего исследования в виде

электронных документов (в формате PDF) публикации на современном русском языке о системно-векторной психологии, вышедшие в свет в различных научных изданиях:

1. Баскакова Н. В., Очирова В. Б. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ РИТУАЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА В СВЕТЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮРИЯ БУРЛАНА // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, **2012**.
2. Довгань Т.А., Очирова В.Б. Применение системно-векторной психологии Юрия Бурлана в криминалистике на примере расследования насильственных преступлений сексуального характера // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, **2012**.
3. Очирова В. Б., Голдобина Л. А. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ: ВЕКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НАСЛАЖДЕНИЯ // «Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии»: материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть III. (21 ноября 2012 г.) — Москва: Изд. «Международный центр науки и образования», **2012**.
4. Очирова В.Б. Инновации в психологии: восьмимерная проекция принципа наслаждения // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 9 ноября 2011 г. - Новосибирск : Изд-во НГТУ, **2012**.
5. Чебаевская О. В. ПРОЯВЛЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА НАРОДА В ГРАММАТИКЕ ЕГО ЯЗЫКА // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, **2013**. № 4. Ч. 2.
6. Гуляева А. Ю., Очирова В. Б. ЭФФЕКТИВНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ НА БАЗЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮРИЯ БУРЛАНА // «Научная дискуссия: инновации в современном мире»: материалы XI международной заочной научно-практической конференции. (9 апреля 2013 г.) — Москва: Изд. «Международный центр науки и образования», **2013**.
7. Очирова В.Б., Грибова М.О. Развитие ребенка: пути решения проблем на основе методологии системно-векторной психологии Юрия Бурлана // Актуальные вопросы психологии : Материалы IV Международной научно-практической конференции. 30 апреля 2013 г. : Сборник научных трудов. – Краснодар, **2013**.
8. Голдобина Л.А. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ: СИСТЕМНО-ВЕКТОРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЮРИЯ БУРЛАНА// Бытие науки и жизнь научного сообщества: М-во образования и науки Российской Федерации, Южно-Уральское отд-ние Российского философского о-ва, ФГБОУ ВПО "Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации", Магнитогорский фил. РАНХиГС, ФГБОУ ВПО "Магнитогорский гос. ун-т" ; [редкол.: Д. А. Яковлев (гл. ред.), Е. В. Мещерова]. - Магнитогорск : МаГУ, **2013**.
9. Мезенцева О.А., Сушко И.А. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭКОНОМИКИ УКРАИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПСИХОЛОГИИ ЮРИЯ БУРЛАНА // Методология науки

- сьогодення – Частина а І (Економічні науки, Юридичні науки, Педагогічні науки, Соціальні комунікації): Міжнародна конференція, м. Київ, 29 червня 2013 р. Центр наукових публікацій.
10. Очирова В.Б. Инновационное исследование проблем детства в системно-векторной психологии Юрия Бурлана // «XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс»: Периодическое научное издание. - Пенза : Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2013.
 11. Очирова В.Б., Кирсс Д.А. КОРРЕЛЯЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ НА БАЗЕ СИСТЕМНО-ВЕКТОРНОЙ ПАРАДИГМЫ Ю. БУРЛАНА // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(1):246-249.
 12. Очирова В.Б., Каминская И.Ю. МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ ДЕГЕНЕРАЦИЯ КАК БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ МОТИВ ТЕРРОРИСТОВ-ОДИНОЧЕК: КАК РАСПОЗНАТЬ И ПРЕДОТВРАТИТЬ? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(2):237-241.
 13. Очирова В.Б. Векторный психоанализ в подборе персонала фирмы как путь успешного управления // Сборник «Управление и власть: Материалы междисциплинарного научного семинара» - Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 2004 г.
 14. Н. В. Баскакова, В. Б. Очирова, Р. М. Амерзянов Смена героев на постсоветских кино- и телеэкранах в свете системно-векторной психологии Юрия Бурлана // Материалы Международной научно-практической конференции “НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: вопросы юриспруденции, филологии, социологии, политологии, философии, педагогики, психологии, истории, математики, медицины, искусства и архитектуры”, г.Москва, 14 декабря 2013.
 15. Рыжова Е.В., Галиханов Б.Ф. Совершенствование программ послевузовского профессионального образования провизоров с позиции системно-векторной психологии Юрия Бурлана // Материалы Международной научно-практической конференции «Научные исследования: вопросы педагогики, филологии, психологии, философии, истории, юриспруденции, экономики, экологии», г. Москва, 27 декабря 2013.
 16. Айдогдыева Е., Булатова Е. ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ОЛИМПИАДОЙ 2014 И МАЙДАНОМ?. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(3):62-63.
 17. АННЕНКОВА Т.В. МАЙДАН: ОТРАВЛЕННЫЕ КОЛОДЦЫ ЕВРОПЫ ДЛЯ ИВАНУШКИ ДУРАЧКА. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(3):56-58.
 18. ВОЛЫНСКАЯ У., ГРИБОВА М.О. УКРАИНА: КТО ПОССОРИЛ ГАЛИЦИЮ И ЮГО-ВОСТОК. Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(3):50-55.
 19. Винеvская А.В., Очирова В.Б. Современные тенденции развития отечественного образования и менталитет российской нации // Published in the Russian Federation European Researcher Has been issued since 2010. Vol. 84, No. 10-1, pp. 1789-1794, 2014 DOI: 10.13187/er.2014.84.1789.

20. Винеvская А.В., Очирова В.Б. Изучение явления и проблемы педофилии в России и в мире с позиции системно-векторной психологии Ю. Бурлана // European Applied Sciences is an international, German/ English/ Russian language, peer-reviewed journal and is published monthly. № 8 2014 (August).
21. Винеvская А.В., Очирова В.Б. Психологические корни канибализма в разрезе системно-векторной психологии Юрия Бурлана // В МИРЕ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ. — Издательство: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-инновационный центр" (Красноярск) Номер: 11.8 (59) Год: 2014 Страницы: 2964-2975.
22. Каминская И. Ю., Власова Н. В., Латифуллина М. М. МАЙДАН НАД УКРАИНОЙ: НАС УНИЖАЮЩИЙ ОБМАН // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014;(3):246-249.
23. Киевлянка Л. 9-ГО МАЯ ДЛЯ УКРАИНЫ БОЛЬШЕ НЕТ. ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЖИЗНИ // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014, № 3, с. 59-61.

Разрешение поставленного перед специалистами ГЛЭДИС вопроса № 4 (о соответствии заключения специалистов экспертно-проектного бюро «Аргумент» №51/26 от 20.07.2017 г. требованиям, предъявляемым к документам подобного рода) предполагает, как показано в разделе 1.4 настоящего заключения, в частности, проверку соблюдения составителями спорного заключения принципов объективности и проверяемости результатов СЭД. В то же время вопросы, на которые в спорном заключении даны ответы, в значительной степени содержательно пересекаются с вопросами № 1–3, поставленными перед специалистами ГЛЭДИС. Соответственно, основные обстоятельства, имеющие решающее значение для поставленных перед специалистами ГЛЭДИС вопросов № 1–3, с высокой вероятностью могут быть установлены в ходе разрешения вопроса № 4. С учетом изложенного, принимается следующий порядок исследования:

1. Исследование по поставленным вопросам — исследование рецензируемого заключения по вопросу № 4 с фиксацией установленных в ходе такого исследования обстоятельств, релевантных для разрешения поставленных перед специалистами ГЛЭДИС вопросов № 1–3.
2. (При необходимости) дополнительное исследование иных представленных материалов по вопросам № 1–3.
3. Синтез результатов исследования и формулирование ответов на поставленные перед комиссией специалистов ГЛЭДИС вопросы.

3. Исследование по поставленным вопросам

В начальном разделе исследовательской части рецензируемого заключения «Термин как единица языка для специальных целей (основные понятия)» специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева (с. 4–9) проводят «анализ терминоведческой литературы» (с. 9): дают обзор основных нерешенных вопросов терминоведения, останавливаясь на особенностях трактовки понятия термина представителями основных научных школ и обильно цитируя рассуждений ученых о нюансах трактовки этого понятия.

Иными словами, текст рассматриваемого раздела посвящен обзору попыток решения вопросов, **не получивших** до настоящего времени **общепринятого разрешения** в науке.

Подобные размышления в тексте экспертного заключения являются неуместными, не соответствуют принципу проверяемости результатов СЭД, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ»: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов **на базе общепринятых научных и практических данных**».

Обобщая результаты своих размышлений, составители рецензируемого заключения дают собственное определение термина через набор характеристических признаков, фактически принимаемое ими в дальнейшем как операциональное (в последующих разделах специалисты проверяют, характеризуется ли спорное обозначение каждым из этих признаков):

- 1) специальное значение (связь с понятием) и специальная сфера употребления;
- 2) наличие дефиниции (определения) в любой форме: толкование, контекстуальное определение, словарная или энциклопедическая статья;
- 3) конвенциональность (наличие своеобразного «коллективного договора» о том, что данному термину приписывается определенное значение);
- 4) системность: включенность в терминосистему;
- 5) однозначность в пределах терминосистемы;
- 6) отсутствие экспрессивных и эмотивных коннотаций.

Примечательно, что приведенный список признаков, присущих термину, де-факто совпадает (с точностью до синонимических формулировок и перестановок) с общепринятой трактовкой понятия термина, отраженной, например, в классическом «Лингвистическом энциклопедическом словаре», где соответствующий список выглядит следующим образом:

- 1) системность;
- 2) наличие дефиниции (для большинства терминов);
- 3) тенденция к моносемичности в пределах своего терминологического поля;
- 4) отсутствие экспрессии;
- 5) стилистическая нейтральность.

В этом классическом определении нивелируются нюансы трактовки понятия термина, источниками каковых нюансов следует считать теоретические расхождения, существующие между концепциями разных научных школ. В то же время это классическое определение является вполне достаточным для практического применения, в том числе в СЭД.

Абсурдным выглядит предположение, в соответствии с которым законодатель, устанавливая, что общепринятые термины не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков (п. 2 ч.1 ст. 1483 ГК РФ), мог бы иметь в виду отличное от общепринятого понятие термина, например, со всеми особенностями его трактовки в авторской концепции Д. С. Лотте, не принимаемой сторонниками функционального подхода Г. О. Винокура, или наоборот.

Впрочем, отсутствует в последнем приведенном списке лишь наличествующий в списке из рецензируемого заключения признак конвенциональности, однако конвенциональность как таковая с точки зрения семиотики является необходимым признаком любого знака вообще. Поскольку язык представляет собой систему знаков, признак конвенциональности присущ любой единице языка, в частности, любому слову. С

таким же успехом можно было бы отнести к числу характеристических признаков термина наличие хотя бы одного словесного ударения.

Соответственно, можно констатировать, что в данном случае отход специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой от соблюдения нормы закона, предписывающего необходимость ограничивать судебно-экспертные исследования общепринятыми научными и практическими данными, не должен повлечь за собой каких-то значимых последствий, способных повлиять на результаты проводимых ими исследований.

Несколько настораживает, впрочем, что в дальнейшем содержании рецензируемого заключения его составители систематически не только ссылаются на принятое ими определение термина, близкое к общепринятому, но и апеллируют к тем нюансам, которыми характеризуются иные взгляды на это понятие. Например, специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева в своих рассуждениях оперируют понятиями *терминоид* и *предтермин*, отнюдь не являющимися общепринятыми в лингвистике.

Тем не менее, по оценке комиссии специалистов ГЛЭДИС, **вывод специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой о терминологическом характере спорного обозначения, не являясь**, как показано выше, в полной мере **надлежаще обоснованным, может все же быть признан достоверным**, что подтверждается анализом использованного в рецензируемом заключении речевого материала. В подавляющем числе фиксируемых в рецензируемом заключении случаев употребления словосочетания *системно-векторная психология* его интерпретация как словесного обозначения некой особой подобласти (направления, учения, школы, течения и т. п.) психологии является единственно возможной. Таковы, например, контексты (1) и (2) на с. 10., контексты (1)–(4) на с. 13 и т. д.

Однако совершенно иначе дело обстоит с установлением в рецензируемом заключении дефиниции этого термина.

Специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева справедливо указывают, что термины всегда принадлежат некоему специальному языку (примерами специальных языков могут служить языки психологии, юриспруденции, медицины и мн. др.) и могут существовать, лишь будучи включенными в терминосистему соответствующей области (признак системности термина, описанный выше). Можно и нужно согласиться и с суждением составителей рецензируемого заключения о том, что термины функционируют «не только в научных и технических текстах», представляя собой лексику «любых специальных и профессиональных сфер деятельности» (с. 10).

Однако Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева забывают, что, как указано, например, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», «Эти [характеристические свойства термина; перечислены выше] **свойства термина реализуются только внутри терминологического поля, за пределами которого термин теряет свои дефинитивные и системные характеристики — детерминологизируется**».

Из этого важнейшего положения с неизбежностью вытекает, что значение психологического термина, его дефиницию можно и нужно искать только в текстах научного стиля, где и функционирует язык психологии. За пределами этого стиля, например, в публицистике, термин, разумеется, может использоваться, но искать и находить в публицистическом тексте подлинную, достоверную дефиницию психологического термина, которая может быть отражена в экспертном заключении, просто нельзя — уже хотя бы потому, что дефиниция эта за пределами языка науки оказывается утраченной.

Соответственно, подлинное значение термина может быть установлено лишь при обращении к научным публикациям — не к научно-популярным и не к публикациям СМИ, ориентированных на широкую публику, «просто» читателя, зрителя или слушателя. Однако в рецензируемом заключении в качестве источников дефиниции спорного обозначения рассматриваются:

- текст «Луч-телекомпании (Альметьевск)» (пример (1) на с. 10). В данном тексте рассказывается, в частности, что «для изучения векторной психологии была создана «Лаборатория 8», при этом указывается, что системно-векторная психология представляет собой одно из направлений психологии, представители которого «обучают людей системному мышлению, относительно теории векторов». Интерпретировать приведенную фразу в соответствии с нормами и правилами современного русского языка не представляется возможным. Практически в той же мере доверие к излагаемой информации подрывают и другие свойства текста, такие как, скажем, написание слова *ученый* с двумя *н*;
- текст, в котором спорное обозначение последовательно, раз за разом употребляется с лишним пробелом, в написании «системно векторная психология (пример (2) на с. 10–11). Излагаемый в рецензируемом заключении взгляд на такое написание как на возможный формальный вариант словосочетания *системно-векторная психология* представляется по меньшей мере странным. Достаточно обратиться, например, к «Правилам русской орфографии и пунктуации» или к «Справочнику по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д. Э. Розенталя, чтобы убедиться, что подобный «вариант» является просто безграмотным. Сказанное не позволяет рассматривать данный текст как достоверный источник сведений о дефиниции рассматриваемого термина;
- научно-популярная (именно так она определяется в рецензируемом заключении) книга В. К. Толкачева (пример (1) на с. 13). Примечательно, что в этом примере вообще отсутствует спорное обозначение;
- текст, источником которого является ООО «Лаборатория 8», выступающая в качестве одной из сторон в споре, послужившем источником судебно-экспертной деятельности, результаты которой отражены в рецензируемом заключении. Существенным обстоятельством является также отсутствие даты публикации: нет никаких оснований полагать, что текст был опубликован до даты приоритета спорного товарного знака. Изложенное позволяет со всей определенностью утверждать, что данный текст выступает как заведомо нерелевантный в качестве образца речевой деятельности, существующей вне зависимости от упомянутого спора (пример (2) на с. 13);
- текст «СМИ2» — контент-агрегатора СМИ, в 100 % случаев выступающего в качестве ретранслятора публикаций других средств массовой информации и не публикующего никаких иных материалов. Соответственно, ссылка на «СМИ2» не может трактоваться как указание на первоисточник цитируемого текста. В этих условиях не представляется возможным ни оценить достоверность, ни установить подлинную дату публикации (пример (3) на с. 13);
- текст, опубликованный в 2017 г., то есть после даты приоритета спорного товарного знака. Включение подобных текстов в рассмотрение

свидетельствует о том, что специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева либо не владеют достаточным объемом информации об обстоятельствах дела, либо недопустимо пренебрегают этой информацией: очевидно, что для разрешения дела существенным обстоятельством являются дефиниция или дефиниции термина *системно-векторная психология*, существовавшие в период времени до даты приоритета товарного знака, состоящего из спорного обозначения, а установить такие дефиниции с помощью текстов, датируемых двумя годами позже наступления этой даты приоритета, невозможно.

Существенным является также то обстоятельство, что по ознакомлении с описанными текстами можно констатировать, что не имеется никаких оснований говорить о том, что контекстуальные дефиниции понятия системно-векторной психологии в этих текстах, обнаруживаемые составителями рецензируемого заключения, являются тождественными или обладают каким-то значительным сходством. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить тексты, составляющие примеры (1) и (2) на с. 10 рецензируемого заключения. По мнению комиссии специалистов ГЛЭДИС, между этими «контекстуальными дефинициями» никакого сходства между наборами признаков, приписываемых системно-векторной психологии, не наблюдается.

Можно утверждать, что приведенные в рецензируемом заключении примеры употребления спорного обозначения однозначно опровергают предположение о существовании некой общепринятой дефиниции — единого понятия, связанной в сознании носителей современного русского языка со спорным обозначением. Отсутствие такой общепринятой дефиниции позволяет констатировать, что спорное обозначение **не может рассматриваться в качестве общепринятого термина**.

Обращение к известным толковым, энциклопедическим, терминологическим словарям показывает, что специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева корректно констатируют отсутствие в этих словарях термина *системно-векторная психология* (с. 14).

В то же время с точки зрения теории СЭД не могут рассматриваться в качестве допустимых ссылки на некие «статьи и глоссарии на профильных сайтах» (с. 14). Каких-либо сведений о квалификации авторов и составителей подобных ресурсов не имеется; оценить лексикографический профессионализм разработчиков глоссариев, на которые ссылаются составители рецензируемого заключения, не представляется возможным, так как собственно словарные статьи, описывающие понятие системно-векторной психологии, они по неясным причинам здесь не приводят.

С учетом изложенного, подобные ресурсы с очевидностью не могут быть отнесены в категории общепринятых научных и практических данных, а следовательно, апелляция к ним свидетельствует об очередном **нарушении** специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой **принципа объективности** судебно-экспертной деятельности.

Полный анализ подраздела 1.3 рецензируемого заключения в рамках настоящего исследования представляется нецелесообразным, ибо, как показано выше, признак конвенциональности заведомо присущ любому словесному обозначению, вне зависимости от того, является ли оно термином, и предпринятые составителями рецензируемого заключения усилия, направленные на доказательства его наличия у спорного обозначения, представляются совершенно излишними.

Но обращает на себя особое внимание то обстоятельство, что среди продуктов речевой деятельности, использованных в качестве примеров употребления спорного

обозначения, в подразделе 1.3 рецензируемого заключения присутствует текст на украинском языке (пример (1) на с. 15). Представляется совершенно неясным, какой логикой могли руководствоваться Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева, полагая, что подобный пример является валидным для обоснования каких бы то ни было обстоятельств, характеризующих функционирование русского термина в современном русском языке.

Однако упомянутый украиноязычный пример не является в рецензируемом заключении единственным. На украинском языке написан также текст, использованный в качестве примера (1) на с. 17.

Более того, появление этих текстов в корпусе, на котором производилось исследование, результаты которого отражены в рецензируемом заключении, выглядит как минимум загадочно, если исходить из предположения, что описанная на с. 4 совокупность баз данных и иных источников лингвистической информации является полной. В частности, исходя из сведений, сообщаемых специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой на указанной странице, раздел «Зарубежная пресса» баз данных «Интегрум» не входил в число выбранных ими для производства исследования.

Сказанное дает основания сомневаться в достоверности и полноте сообщенных в рецензируемом заключении сведений о примененных методах и инструментальных средствах, что прямо нарушает установленный законом принцип объективности экспертного исследования и не соответствует норме ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», безусловно требующей включать в заключение эксперта «содержание и результаты исследований **с указанием примененных методов**».

Переходя к установлению факта наличия у спорного обозначения свойства системности (раздел 1.4), составители рецензируемого заключения, приведя ряд примеров, констатируют, что словосочетания *системно-векторная психология* и *системно-векторный психоанализ* используются в современном русском языке как синонимы (с. 16).

При этом Н. В. Козловскую и Е. В. Сергееву, вероятно, нимало не смущает, что среди ранее приведенных примеров имеются текстовые фрагменты, решительно противоречащие такой трактовке (ср., скажем, пример (1) на с. 13), и они продолжают уверять нас, что *системно-векторная психология* представляет собой во всех рассматриваемых ими случаях именно термин и, как всякий термин, обладает признаком моносемичности (однозначности). Хотя совершенно очевидно, что в указанном примере и в примерах на с. 16 речь идет о совершенно разных понятиях.

Разумеется, само по себе нарушение требования моносемичности является вполне возможным за пределами текстов специального языка психологии, в текстах публицистических и научно-популярных — в силу происходящей при выходе за эти пределы детерминологизации, — но, как показано выше, никакими другими текстами специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева вообще не пользуются, пытаясь отыскать единственную, однозначную дефиницию рассматриваемого ими термина именно за пределами научных текстов.

Результатом всех описанных выше усилий составителей рецензируемого заключения, полученным ими в результате совокупности исследований, описанных в разделе 1 рецензируемого заключения, становится вывод о терминологическом характере спорного обозначения.

Как показано выше, данный вывод является истинным, он вполне достоверен, но, в свете вышеизложенного, никак не может быть признан надлежаще обоснованным.

В разделе 2 рецензируемого заключения специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева предпринимают попытку установить смысловое содержание спорного обозначения.

При этом они загадочным образом забывают о том, что в ходе описанных в разделе 1 исследований ими было установлено, что ни в толковых, ни в энциклопедических, ни в терминологических словарях этот термин своего отражения не получил (с. 14).

Забывают они и о том, что обнаружили в приведенных ими текстах множество «контекстуальных дефиниций», на основе анализа которых, как можно было бы ожидать, смысловое содержание спорного обозначения может и должно быть обоснованно установлено в отношении каждого отдельного текста.

Вместо этого составители рецензируемого заключения неожиданно прежде всего обращаются все к тем же словарям, приводя словарные статьи, описывающие понятия, стоящие за составляющими этот термин словами. Неприменимость к составным терминам подобного подхода может быть проиллюстрирована на общеизвестных примерах. Попытка вывести по общему правилу «сложения значений» смысловое содержание термина *буржуазно-демократическая революция*, скажем, приведет нас к смысловому конструкту «имеющий некоторое, то или иное отношение к буржуазии и некоторое, то или иное отношение к демократии коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к смене общественного строя». Реальное же понятие, выражаемое данным термином, определяется иначе: «переворот, в результате которого укрепляется власть буржуазии, проводятся широкие демократические преобразования. Победа революции укрепляет именно политические позиции буржуазии». Очевидно, что два этих смысловых конструкта далеки от тождества.

Важно заметить также, что далеко не всегда составной термин, построенный по модели *прилагательное+определяемое существительное*, обозначает вид явления, называемого исходным существительным. Например, понятие теории отношений (раздел математики) *строгий порядок* вовсе не является частным случаем понятия, именуемого термином *порядок*. Более того, эти понятия являются взаимоисключающими: отношение, являющееся отношением порядка, заведомо не является отношением строгого порядка, и наоборот.

Впрочем, составители рецензируемого заключения, вероятно, осознают, что смысловой конструкт «имеющая некоторое, то или иное отношение к системе и некоторое, то или иное отношение к вектору наука о психике, психической деятельности человека и животных», появления которого следовало бы ожидать в тексте рецензируемого заключения вслед за словарной статьей «ПСИХОЛОГИЯ», будет выглядеть как некий тупик, в который зашли его составители, в связи с чем никакого реального продолжения обращение Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой к традиционным словарям не получает. Приведенные ими словарные статьи остаются в тексте рецензируемого заключения невостребованными.

Вместо этого в разделе 2 приводятся определения, взятые из обнаруженных специалистами «статей и глоссариев на профильных сайтах» (с. 14), причем обращаются с ними не как с реальными текстами, в которых употребляется спорное обозначение, смысловое содержание которого может быть установлено посредством лингвистического

анализа контекста, но фактически как с источниками готовых лингвистических (терминологических) знаний. Все приводимые в разделе 2 примеры употребления спорного обозначения характеризуются в рецензируемом заключении как относящиеся к «специальной литературе» (с. 19), хотя, как показано выше, все без исключения тексты, попавшие в поле зрения его составителей, являются либо публицистическими, либо научно-популярными. Что касается «гlossариев на профильных сайтах», на которые вновь ссылаются Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева, выше было показано, что подобные ресурсы с очевидностью не могут быть отнесены в категории общепринятых научных и практических данных, а следовательно, повторная апелляция к ним свидетельствует об очередном нарушении специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой принципа объективности судебно-экспертной деятельности.

С учетом изложенного, вряд ли можно удивляться тому, что выводы по результатам описанных в разделе 2 исследований не содержат прямого ответа, например, на вопрос о том, каково смысловое содержание термина «системно-векторная психология». Составители рецензируемого заключения, в распоряжении которых было, как они утверждают, множество контекстуальных дефиниций этого термина, причем все они выражали одно и то же понятие (ср. признак моносемичности, однозначности, признанный специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой обязательным для любого термина), так и не сформулировали дефиницию спорного обозначения в виде толкования или словарной статьи.

Таким образом, можно констатировать, что ответ на вопрос № 2 в рецензируемом заключении основан на **применении методов и данных, не являющихся валидными** (не является надлежаще обоснованным), и **не является полным**. При производстве исследований, описанных в разделе 2 рецензируемого заключения, его составителями **нарушены принципы объективности и полноты** судебно-экспертного исследования.

В разделе 3 рецензируемого заключения его составители, не утверждая прямо авторство В. К. Толкачева в отношении представленного спорным обозначением термина, тем не менее фактически рассматривают В. К. Толкачева как единственного возможного автора указанного термина, не рассматривая никаких иных вариантов.

Сказанное достаточно для констатации **нарушения** при производстве исследований, результаты которых отражены в рецензируемом заключении, **принципа всесторонности СЭД**.

Специалисты Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева фактически указывают в качестве решающего доказательства («основного аргумента») в пользу авторства В. К. Толкачева на то обстоятельство, что «данное [выражаемое прилагательным *системно-векторный*] понятие является центральным специальным понятием, несущим основную идею, концепцию, смысловую нагрузку в тексте двух программных трудов В. К. Толкачева, в которых понятие получает развернутое контекстуальное определение и (насколько об этом может судить неспециалист в данной отрасли) подробное теоретическое обоснование» (с. 27).

Однако обращение ни к предыдущему, ни к последующему тексту раздела 3 рецензируемого заключения вопреки ожиданиям не позволяет обнаружить «контекстуальное определение», о котором говорят его составители. Количество цитируемых фрагментов разных текстов в предыдущем контексте этого вывода составляет 10, но среди цитируемых текстов не наблюдается **ни одного** продукта речевой

деятельности В. К. Толкачева. Фактически Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева обосновывают приоритет В. К. Толкачева в отношении термина *системно-векторная психология*, ссылаясь не на продукты его речевой деятельности (книги, статьи, интервью и т. п.), а на ряд публицистических текстов (пресс-релизы, публикации СМИ), в которых прямой речи В. К. Толкачева вообще не наблюдается.

При этом словоупотребления прилагательного *системно-векторный* присутствуют не во всех приведенных фрагментах. Так, его не удастся найти в примерах (1) и (2) на с. 27, непосредственно предшествующих рассматриваемому выводу. Ссылки на оба этих примера призваны, по мнению составителей рецензируемого заключения, обосновать через фиксацию факта совстречаемости (коллокации) в одном тексте определенных словесных обозначений тезис о наличии «формальной и смысловой связи между именем В. К. Толкачева и понятиями (терминами) «системное мышление» и «системное самопознание» (с. 27). Однако какое отношение к этим терминам имеет прилагательное *системно-векторный*, остается загадкой.

7 из прочих 8 текстов датированы, как вытекает из содержания представленных материалов дела, после смерти В. К. Толкачева.

С учетом изложенного, подобный вывод со всей очевидностью **не может быть признан надлежаще обоснованным.**

В разделе 4–5 рецензируемого заключения его составители, возможно, вновь вернулись к идее о синонимичности обозначений *системно-векторная психология* и *системно-векторный психоанализ*, высказанной ими в разделе 1.4 (с. 16). Однако, как показано выше, среди ранее приведенных в рецензируемом заключении примеров имеются текстовые фрагменты, решительно противоречащие такой трактовке (ср., скажем, пример (1) на с. 13), в то время как составители рецензируемого заключения утверждают, что *системно-векторная психология* представляет собой во всех рассматриваемых ими случаях именно термин и, как всякий термин, обладает признаком моносемичности (однозначности). Хотя совершенно очевидно, что в указанном примере и в примерах на с. 16 речь идет о совершенно разных понятиях.

Соответственно, наблюдаемая на с. 29–33 попытка обосновать приоритет В. К. Толкачева в отношении спорного обозначения посредством цитирования текстов разного авторства, в которых наблюдается употребление термина *системно-векторный психоанализ*, рассматривается как несостоятельная.

В качестве другого доказательства приоритета В. К. Толкачева в отношении спорного обозначения составители рецензируемого заключения приводят ссылку на факт единственного употребления словосочетания *системно-векторная психология* на с. 332 книги В. К. Толкачева «Роскошь системного самопознания: основы системно-векторного психоанализа», изданной в 2008 г.

Однако, как показывает обращение к указанному источнику, контекст этого словоупотребления («В объемной системно-векторной психологии темперамент описывается набором характеристик, которые являются проекциями на психологические шкалы — диагонали, проведенные между вершинами куба...») не позволяет исключить вероятную интерпретацию словесной конструкции *объемная системно-векторная психология* как свободного описательного словосочетания, составленного из терминов, но не являющегося при этом единым составным термином: описывается некая модель, которая представлена в виде куба, а следовательно, не может не быть объемной, в то время

как признак обязательной объемности (трехмерности) обозначаемого концепта ни в одной из зафиксированных в рецензируемом заключении «контекстуальных дефиниций» не усматривается.

Не исключено, что именно поэтому Н. В. Козловская и Е. В. Сергеева, приводя на с. 32 рецензируемого заключения ссылку на указанное употребление, не считают нужным привести его контекст, что может свидетельствовать о **нарушении** с их стороны **принципа всесторонности** судебно-экспертного исследования.

С учетом изложенного, выводы рецензируемого заключения по результатам исследований, описанных в разделе 4–5, **не могут быть признаны обоснованными**, что свидетельствует о **нарушении** его составителями **принципов объективности и проверяемости** результатов СЭД.

Исследования, описанные в разделе 6 рецензируемого заключения, сводятся к простой фиксации дат и источников употребления словосочетаний *системно-векторный психоанализ* (подраздел 6.1) и *системно-векторная психология* (раздел 6.2) в текстовом корпусе, используемом составителями.

Однако, как показано выше, этот текстовый корпус не является валидным с точки зрения поставленных перед специалистами задач, поскольку в нем отсутствуют тексты, относящиеся к специальной литературе по психологии, и наблюдаются исключительно тексты публицистических или (в редких случаях) научно-популярных жанров, в которых имеет место явление детерминологизации. Соответственно, никакие методы изучения специальной терминологии, применяемые к подобному материалу, не могут рассматриваться как валидные.

Таким образом, выводы специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой по результатам исследований, описанных в разделе 6 рецензируемого заключения, **не являются надлежаще обоснованными**, что свидетельствует о **нарушении** при производстве ими исследования **принципов объективности и проверяемости** результатов СЭД.

Для понимания содержания текста разделов 7–9 рецензируемого заключения, относящихся к вопросам, в формулировке которых используется термин *цитата*, необходимо четко представлять себе, какое именно понятие он выражает.

Цитата — точная дословная выдержка из какого-нибудь текста, высказывания (см. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997, с. 876). Цитаты по правилам русской пунктуации заключаются в кавычки, при цитировании указывается источник цитаты (автор, произведение). Цитирование может быть прямым и косвенным. При прямом цитировании указываются автор, произведение, а затем сама цитата. При косвенном цитировании автор может прямо не указываться, а цитата вводится в текст следующими словосочетаниями: «как говорил классик», «как хорошо сказано в таком-то произведении» и т.п. Непрямое анонимное (без названия имени автора) цитирование возможно лишь в том случае, когда цитата хорошо известна всем образованным носителям русского языка и представляет собой либо так называемое крылатое выражение, либо афоризм (см. крылатые слова).

В соответствии с пунктуационной нормой современного русского языка, цитаты всегда заключаются в кавычки. Если цитата оформляется как прямая речь, то есть сопровождается словами автора, приводящего ее, то применяются соответствующие

правила пунктуации. Если цитата состоит из нескольких абзацев, то кавычки ставятся только в начале и в конце всего текста. Если, приводя цитату, автор подчеркивает в ней отдельные места (такие места выделяются особым шрифтом), то это оговаривается в примечании, заключаемом в скобки, с указанием инициалов автора, перед которыми ставятся точка и тире, например (*подчеркнуто нами*. — А.Б.), (*курсив наш*. — А.Б.).

Если цитата приводится не полностью, то пропуск обозначается многоточием, которое ставится:

- 1) перед цитатой (после открывающих кавычек), синтаксически не связанной с авторским текстом, для указания, что цитата приводится не с начала предложения, например: *Л. Н. Толстой писал: «...в искусстве простота, краткость и ясность есть высшее совершенство формы искусства, которая достигается только при большом даровании и большом труде»;*
- 2) в середине цитаты, когда пропущена часть текста внутри ее, например: *Говоря о достоинствах языка народной поэзии, А. А. Фадеев напомнил: «Не случайно наши русские классики... рекомендовали читать сказки, прислушиваться к народной речи, изучать пословицы, читать писателей, которые обладают всем богатством русской речи»;*
- 3) после цитаты (перед закрывающими кавычками), когда цитируемое предложение приводится не до конца, например: *Выступая в защиту культуры устной речи, Чехов писал: «В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать...»*

После цитаты, заканчивающейся многоточием, ставится точка, если цитата не является самостоятельным предложением, например: *М. В. Ломоносов писал, что «красота, великолепие, сила и богатство русского языка явствует довольно из книг, в прошлые века писанных...».*

Если цитата синтаксически связана с авторским текстом, образуя придаточное предложение, то первое слово цитаты пишется, как правило, со строчной буквы, например: *Говоря о поэзии Пушкина, Н. А. Добролюбов писал, что «в его стихах впервые сказала нам живая русская речь...».*

Со строчной буквы пишется первое слово цитаты и в том случае, когда она, будучи синтаксически не связанной с предшествующими авторскими словами, приводится не с начала предложения, т. е. имеет перед собой многоточие, например: *Д. И. Писарев указывал: «...красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности, то есть исключительно в тех качествах, которые ускоряют и облегчают переход мысли из головы писателя в голову читателя».*

Если цитата предшествует авторским словам, то первое слово в ней пишется с прописной буквы и в том случае, когда она приводится не с начала предложения, т. е. в цитируемом тексте это слово пишется со строчной буквы, например: *«...Гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития», — писал Н. Г. Чернышевский.*

Изложенные выше языковые нормы позволяют утверждать, что понятие *цитата* предполагает обязательное существование: 1) исходного текста (источника цитирования); 2) контекста, в котором цитата используется в новом тексте. В общем случае, чтобы ответить на вопрос, является ли какая-то словесная конструкция цитатой, необходимо

иметь достаточное представление о контексте этой словесной конструкции в том тексте, в котором она предположительно оказалась в результате заимствования из текста исходного.

При невыполнении условия, описываемого пунктом 2), ответ на подобный вопрос может быть дан лишь в случае, когда предполагаемой цитатой является высказывание, выражающее некую законченную мысль или набор идей, не оформленных как законченная мысль, но определенным образом связанных между собой. Однако бессмысленно спрашивать, является ли цитатой слово *голубой*, не указывая, о каком именно контексте идет речь.

Это условие выполняется в случае с вопросом, вынесенным в заголовок раздела 7 исследуемого заключения. Словесная конструкция, содержащаяся в этом вопросе, действительно является достаточно объемной, включает в себя ряд пропозиций, каждая из которых определенным образом грамматически оформлена и соединена с другими. Этого достаточно, чтобы считать такую словесную конструкцию цитатой вне зависимости от того, в какой контекст она будет помещена.

Соответственно, на прямой простой вопрос специалистами Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой в разделе 7 дан прямой простой ответ, даже не требующий специальных знаний в области лингвистики. Вопрос фактически тождествен вопросу, построенному по модели «А действительно ли в тексте книги X есть фраза Y»?

Чтобы ответить на такой вопрос, не нужно иметь каких-либо сведений о новом тексте, в котором оказался заимствованный фрагмент Y из текста X.

Однако в случае с вопросом, вынесенным в заголовок раздела 8 рецензируемого заключения, дело обстоит кардинально иным образом.

Вопрос формально построен по той же модели, что и предыдущий, и составители рецензируемого заключения ничтоже сумняшеся применяют при ответе на него ту же логику, что и в разделе 7, не предполагающую использования специальных лингвистических знаний, и даже специально уточняют, что цитата может состоять из одного слова или словосочетания. А поскольку два слова, о которых спрашивается в вопросе, действительно стоят рядом в нужном порядке на одной из страниц книги В. К. Толкачева, ответ выходит утвердительным.

Следуя этой логике и **ничего** не меняя в последовательности суждений, примененной составителями рецензируемого заключения, мы можем с уверенностью констатировать, что цитатами из книги В. К. Толкачева являются также словосочетания «...широкой публики...» (есть такое в первом абзаце предисловия), «Маргарет Тэтчер» (подпись под эпиграфом) и даже «...в...» (ведь «цитата может состоять из одного слова...» — с. 43 рецензируемого заключения).

Более того, неукоснительно следуя примененной Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой логике, следует признать, что «...системно-векторной...» и «...психологии...» в книге В. К. Толкачева есть не что иное как цитаты едва ли не из любого другого текста, фрагменты которого приводятся в рецензируемом заключении.

В результате, отказавшись от описанного выше условия 2), приходим к абсурду.

Таким образом, вывод специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой по поставленному перед ними вопросу № 8 **не является надлежаще обоснованным, не является достоверным.**

Отвечая на поставленный перед ними вопрос № 9, составители исследуемого заключения допускают **грубую подмену понятий**. Понятие *тождество слова* отнюдь не

тождественно понятию *тождество* ('полное сходство, подобие предметов, явлений и т.п.' [27]). Очевидно, что с точки зрения приведенного общеупотребительного значения между разными грамматическими формами одного словосочетания действительно наблюдается сходство, но оно никогда не является полным: сравниваемые объекты все же отличаются друг от друга по признаку «грамматическая форма».

Фактически составители рецензируемого заключения отвечают на вопрос о том, находятся ли словосочетания *системно-векторная психология* и *системно-векторной психологии* в отношениях тождества слова, а не на вопрос о том, являются ли они тождественными.

Заметим также, что применимость сугубо специального понятия *тождество слова* к словосочетаниям представляется далеко не очевидной, не относится к общепринятым в лингвистике положениям и, следовательно, требует глубокого теоретического обоснования, полностью отсутствующего в рецензируемом заключении.

В результате описанного **нарушения** со стороны специалистов Н. В. Козловской и Е. В. Сергеевой **принципов объективности СЭД и проверяемости** ее результатов, а также в результате того, что проведенное ими исследование по тесно связанным между собой в обстоятельствах данного дела вопросам 7–9 выполнялось отдельно, сторона ООО «Лаборатории 8» получила возможность, ссылаясь на выводы рецензируемого заключения, утверждать при формулировании своей позиции по делу в возражении против предоставления правовой охраны спорному товарному знаку, что «Системно-векторная психология» – является цитатой из научно-популярного произведения Виктора Толкачева...».

4. Дополнительное исследование представленных материалов

Как показано в разделе 3 настоящего заключения, в рецензируемом заключении не раскрыто (не определено) смысловое содержание понятия, обозначаемого термином *системно-векторная психология*.

Стилистический анализ представленных для производства исследования перечисленных в разделе 2 настоящего заключения публикаций на современном русском языке о системно-векторной психологии, вышедших в свет в различных научных изданиях, подтверждает их принадлежность к научному стилю современного русского языка.

В текстах указанных публикаций наблюдаются частично сходные в содержательном отношении фрагменты, описывающие основные положения, на которых базируется направление, обозначаемое в этих текстах *системно-векторная психология*, и иные характеризующие его признаки. Подобные описания рассматриваются комиссией специалистов ГЛЭДИС в качестве контекстуальных дефиниций. По оценке комиссии специалистов ГЛЭДИС, приближенное к энциклопедическому описание направления «системно-векторная психология» содержится в работе В. Б. Очировой и Л. А. Голдобиной «Психология личности: векторы реализации принципа наслаждения», которая формулирует совокупность его основных теоретических положений следующим образом:

- «системно-векторная психология, созданная в ее современном виде Юрием Бурланом, раскрывает природу бессознательного через 8-мерные категории системного мышления»;

- «системно анализируются все проявления в индивидуальном и коллективном бессознательном и рассматриваются в «развертке», основанной на постулате Ганзена»;
- «системно-векторная психология Юрия Бурлана рассматривает эрогенные зоны в контексте системных векторов — «каналов» реализации принципа наслаждения и связывает их с направленностью индивидуального внутреннего психического»;
- «понятие «эрогенная зона» тесно взаимосвязано не только с либидо в его первичном значении, но и с системным пониманием реализации такого основного принципа существования человека, как принцип наслаждения»;
- «то, как человек «проживает» свою жизнь, ее качество непосредственно определяется его врожденными желаниями и присущими ему специфическими свойствами. Именно это и обуславливает индивидуальный жизненный сценарий. А вкуче все описанные факторы объединяются в понятие «вектор». Векторная система устанавливает средства и методы взаимодействия человека с окружающей его средой: стремление реализовать соответственно желаниям заставляет человека коррелировать принцип наслаждения с принципом реальности»;
- «Юрий Бурлан в системно-векторной психологии разрабатывает учение о восьмимерной природе бессознательного. Обнаружена четкая связь между наблюдаемыми в теле человека 8 эрогенными зонами с качественными особенностями характера, и также с мироощущением человека, а в итоге, его состоявшимся жизненным сценарием»;
- «принцип наслаждения впервые продифференцирован по восьми векторам его реализации, по два вектора на каждую четверть системной матрицы»;
- «каким образом векторы сочетаются между собой, каково их текущее состояние, - все это складывается в достоверную и четкую матрицу-структуру бессознательного, и именно от нее зависит, в позитивном либо в негативном направлении складывается жизненный сценарий»;
- «желания человека дифференцируются соответственно присущим ему векторам»;
- «базисная специфика системных векторов раскрывает особенности эротизма и сексуальности конкретного человека... Системно-векторная психология впервые в истории психологии дифференцирует типы сексуальности, различая внутренние желания человека, заключенные в его бессознательном»;
- «наслаждение задано, но не обеспечено»;
- «в процессе развития заданных ему качеств человек в результате получает знания, умения и навыки, которые может использовать как инструменты для наполнения своих желаний, в котором и заключается особое для каждого наслаждение»;
- «системно-векторная психология определяет восемь условных типов, в соответствии с которыми различаются желания и способы получения наслаждения. Все это, сочетаясь и комбинируясь, складывается в мозаику человеческих характеров и задает своеобразие как ментальности отдельного социума, так и характер эпохи в виде пространственно-временной формации. В

системно-векторной психологии дано структурное описание восьми векторов - «слагаемых» на пути к счастью».

Перечисленные положения в тех или иных, существенно различающихся комбинациях встречаются (описываются) в иных представленных для производства исследования публикациях и, насколько об этом могут судить специалисты-лингвисты, вероятно, могут рассматриваться в качестве основных положений, в не окончательной форме, не исчерпывающе определяющих концепцию и место направления психологии, обозначаемого спорным обозначением, среди других психологических течений.

Характерным для представленных публикаций является упоминание имени Юрия Бурлана, как правило, в ближайшем контексте спорного обозначения в форме *системно-векторная психология Юрия Бурлана*.

Лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ представленных для производства настоящего исследования сообщений, размещенных в период с 2007 г. различными пользователями в разделе «Системно-векторная психология» на форуме интернет-сайта Ю. Бурлана, находящемся по адресу <https://www.yurlan.ru/forum>, с учетом допущений, описанных в разделе 2 настоящего заключения, позволяет утверждать, что не позднее, чем с 2007 г. включительно, в письменной речи Ю. Бурлана, размещавшего свои сообщения в указанном разделе форума, спорное обозначение употреблялось как обозначение проводимых им психологических тренингов.

Комиссия специалистов произвела просмотр и прослушивание представленных для производства настоящего исследования видеофонограмм, содержащих записи фрагментов сеансов тренинга, проведенного Ю. Бурланом. В ходе просмотра и прослушивания указанных фонограмм установлено, с учетом допущений, описанных в разделе 2 настоящего заключения, что спорное обозначение использовалось в 2005 г. для индивидуализирующей характеристики проводимых Ю. Бурланом сеансов психологического тренинга, базирующегося на описанной выше концепции.

Изложенное позволяет утверждать, что не позднее, чем с 2005 г. включительно, наблюдаются факты использования в современном русском языке словосочетания *системно-векторная психология*:

- как термина, обозначающего психологическое направление, базирующееся на концепции, в не окончательной форме, не исчерпывающе определяемой перечисленными выше в настоящем разделе положениями, происхождение какой-либо концепции устойчиво связывается в речи носителей современного русского языка с Ю. Бурланом;
- как словесного обозначения, применяемого для индивидуализации проводимых Ю. Бурланом сеансов психологического тренинга, базирующегося на указанной концепции.

ВЫВОДЫ:

По вопросу № 1.

Если обозначение "Системно-векторная психология" рассматривается как термин, то оно может быть отнесено к **направлению психологии, устойчиво**

характеризуемому в специальной (научной) литературе как направление, связанное с именем Юрия Бурлана, а также к лежащей в основании этого направления теоретической концепции, в неокончательной форме, не исчерпывающе определяемой совокупностью основных теоретических положений, перечисленных в разделе 4 настоящего заключения.

В разделе 3 настоящего заключения показано, что, исходя из наблюдаемой практики его употребления в современном русском языке, термин *системно-векторная психология*, систематически теряющий свойство моносемичности (однозначности) за пределами специальных текстов, относящихся к научной области психологии, решительно **НЕ может быть отнесен** в связи с этим к разряду **общепринятых**.

Не позднее, чем с 2005 г. включительно, наряду с собственно терминологическим употреблением указанного словосочетания в современном русском языке **наблюдается его использование** как словесного обозначения, применяемого для **индивидуализации проводимых Ю. Бурланом сеансов психологического тренинга**, базирующегося на указанной концепции.

По вопросу № 2.

В случае употребления словесного обозначения «системно-векторная психология» как термина выражаемое им смысловое содержание способно систематически вызывать необязательные смысловые ассоциации, определяемые различными компонентами этого содержания:

1) с положениями, формирующими психологическую концепцию, лежащую в основе соответствующего направления. Указанные положения не содержат каких-либо элементов, относящихся к виду, качеству, количеству,

свойствам, назначению, ценности, а также времени, месту или способу производства или сбыта каких-либо товаров и услуг;

2) с именем Юрия Бурлана. Подобная ассоциация не может квалифицироваться как связанная с видом, качеством, количеством, свойствами, назначением, ценностью, а также временем, местом или способом производства или сбыта каких-либо товаров и услуг, может рассматриваться как ассоциирующаяся с Юрием Бурланом как производителем (или иным источником) товара или услуги.

В случае нетерминологического употребления словесного обозначения «системно-векторная психология» для индивидуализации проводимых Ю. Бурланом сеансов психологического тренинга, базирующегося на указанной концепции, выражаемое им смысловое содержание способно систематически вызывать смысловые ассоциации с именем Юрия Бурлана как производителя услуги; какой-либо связи с видом, качеством, количеством, свойствами, назначением, ценностью, а также временем, местом или способом производства или сбыта каких-либо товаров и услуг в этом случае не наблюдается.

С учетом изложенного, при любом употреблении указанного словесного обозначения оно способно характеризовать некий товар или услугу как **товар или услугу, происхождение которых связано с Юрием Бурланом, но НЕ по иным признакам**, таким как вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, время, место или способ производства или сбыта. Данное обозначение **НЕ способно** напрямую вызывать своим определением (понятием) единое и однозначное представление о какой-либо из указанных характеристик.

По вопросу № 3.

Проведенное исследование, с учетом действующих рекомендаций Роспатента по отдельным вопросам экспертизы заявленных обозначений, не

содержит элементов, указывающих на вид, качество, количество, свойства, назначение, ценность товаров, а также на место и время их производства или сбыта, **НЕ может рассматриваться как описательное**, является фантазийным в отношении товаров и услуг, для обозначения которых оно зарегистрировано в качестве товарного знака.

В частности, в разделе 3 настоящего заключения показано, что словосочетание *системно-векторная психология* **НЕ является общепринятым термином**, в том числе при его терминологическом употреблении для обозначения некоего направления психологии, широко используется в речи носителей современного русского языка в различных значениях, не предполагающих существования единой дефиниции, которая могла бы их объединить.

В полном объеме вопрос о соответствии того или иного обозначения требованиям, предъявляемым законодательством к обозначениям, заявляемым на регистрацию в качестве товарных знаков, выходит за пределы компетенции специалистов-лингвистов, является правовым.

По вопросу № 4.

Заключение специалистов экспертно-проектного бюро «Аргумент» №51/26 от 20.07.2017 г. **НЕ соответствует требованиям, предъявляемым к документам подобного рода**. В частности, установлено, что при производстве исследования, результаты которого отражены в указанном заключении, наблюдаются множественные случаи **несоблюдения принципов объективности экспертного исследования и проверяемости результатов СЭД, полноты и всесторонности исследования**. Выводы указанного заключения **НЕ могут рассматриваться как надлежаще обоснованные**, часть выводов носит **недостоверный** характер.

Члены комиссии специалистов-лингвистов:

Председатель комиссии,
член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук,

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС,
академик РАЕН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской словесности и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовых
коммуникаций филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

*М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН*

м.п.

